

О.В.Днисахарова

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАЗДНИКИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Каждый ручеек начинается с родника. В ручеек впадает другой ручеек, потом еще ручеек, так начинается маленькая речка, которая вместе с другими большими реками где-нибудь образуют море.

И в жизни так же. Парень с девушкой создают маленькую ячейку — семью. Вместе с семьями своих родственников они входят в какой-нибудь род. Несколько родов образуют племя.

А несколько племен — союз племен, и эти племена, выращивая вместе хлеб, вместе защищаясь от врагов, живя общими надеждами и печалью, постепенно сближаются и становятся единым народом.

И чувашский народ создавался так же, как и другие народы. Множество племен, родов, семей участвовало в образовании чувашского этноса.

Зародившись в глубокой древности, чувашский народ, пройдя через горнило невероятных по драматизму испытаний, достойно выстрадал свою оптимистическую историю. Очень сложным был его путь к осознанию своей самобытности, самостоятельности и самоценности собственной культуры.

Вопросы происхождения и расселения чувашского народа, его этнокультурный облик, особенности взаимосвязей чувашей с другими народами относятся к числу интереснейших, но и весьма сложных научных проблем, до сих пор имеющих множество полемических аспектов. Вокруг них споры идут уже почти три столетия. Причем проблемы этнической истории чувашей настолько неоднозначны и масштабны как во временной, так и в пространственной отношении, что обсуждение их выводит исследователей далеко за пределы не только Чувашского края, но и Волго-Уралья. И заставляет окунуться попутно в историю не одного десятка исчезнувших и ныне здравствующих народов.

Все исследователи сходятся во мнении, что корни чувашского и других народов Волго-Уралья лежат в глубоких пластах истории, и что они давно и нерасторжимо переплетены между собой. При этом истоки этнокультурной истории тюркских народов — чувашей, татар и башкир — просматриваются далеко на Восток — в Центральной Азии. Поэтому, как полагают ученые, картина их этнической истории и культурный облик оказались гораздо более сложными и даже запутанными, чем пути этногенеза и культурного развития соседних финно-угорских народов.

Известно, что еще задолго до появления этнонима «чуваша» в конце I тыс. н.э. в письменных источниках уже были зафиксированы мордовские (эрзя и мокша), марийские (черемисы), удмуртские племена, а также меря, мурома и мещеры, причем на ряде карт были указаны и территории их обитания (татары впервые были зафиксированы в письменных источниках еще

в 552 г. в Центральной Азии). В русской летописи «Повесть временных лет» (нач. XII в.) перечислены почти все финно-угорские народы Восточной Европы, но такой сравнительно крупный этнос, как чуваша, нигде не упомянут. Дело в том, что в исторических документах «чуваша» выступали под разными этнонимами. С IX в. они известны как «болгары» и «сувары» (в X в. — «сувазы»), с XI в. — «волжские болгары», а в русских и зарубежных источниках конца XV — нач. XVIII в. — «нагорные черемисы», «горные люди», «черемисские татары». Первое упоминание этнонима «чуваша» в русских актах относятся к 1510 г., в летописях — к 1521 г.

К концу XV века чувашская народность в основном сложилась. Об этом свидетельствует и то, что этноним «чуваша» начинает встречаться в русских летописях. Территория, занятая чувашами, названа Чувашией впервые в первой четверти XVI в. путешественником С. Герберштейном. Таким образом, в начале XVI в. было зафиксировано также и местоположение основной территорией обитания чувашского народа.

Таким образом, консолидация предков современных чувашей, как и собственно казанских татар и башкир, в отдельные народности с четко зафиксированными этнонимами, особенностями языка и культуры и определенно локализованными территориями началась позже, чем у финно-угров региона, но этот процесс протекал у первых интенсивнее и в сравнительно сложных условиях первой половины II тыс.

На основании многочисленных исторических, культурных и языковых данных большинство исследователей признает чувашей потомками болгарских и суварских племен, появившихся на Средней Волге в VII — VIII вв.

История чувашей складывалась так, что где бы они не обитали — они всегда оказывались на стыке культур и цивилизации, на землях, где происходило активное межэтническое взаимодействие, где пересекались миграционные потоки и хозяйственно — торговые связи. Это обстоятельство наложило отпечаток на этническую культуру и язык чувашского народа, обогатило их и придало особую открытость и терпимость его национальному характеру.

Монгольское нашествие и последовавшие за ним события (образование и распад Золотой Орды и возникновение на ее развалинах Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Но-

гайской Орды) вызвали значительные передвижения народов Волго-Уральского региона, привели к разрушению консолидирующей роли болгарской государственности, ускорили складывание отдельных этносов чувашей, татар и башкир. В XIV — нач. XV в., в условиях гнета, около половины оставшихся в живых болгаро — чувашей переселились в Приказанье и Заказанье, где от Казани на восток до средней Камы образовалась «Чувашская даруга».

Полное заселение чувашами северной половины современной Чувашии произошло в XIV — нач. XV вв., а до этого времени здесь численно преобладали предки марийцев — настоящие «черемисы».

В условиях многовекового генетического и культурного взаимодействия различных групп болгаро — чувашей с финно — уграми, а также с татарами и славянскими элементами, наряду с усилением общего в культуре формирующейся чувашской народности, продолжали сказываться и специфические этногрупповые признаки. В XVI в. формируются две основные этнографические группы чувашей: вирьял — верховые (на севере и северо-западе Чувашии) и анатри — низовые (в начале в северо-восточной и центральной Чувашии, позже на юге и за пределами Чувашии). Как считают исследователи, низовые чуваша в большей чистоте сохранили этнические черты болгар — чувашей, а в культуре верховых заметны марийские элементы.

Каждый праздник чувашей сопровождался специфичными обрядами и песнями. Описание многих древних обрядов не сохранилось до сегодняшнего дня, а потому рационально было бы привести сравнение с обрядами подобных праздников у других народов. Особый интерес в этом плане вызывают праздники народов, входивших в государство Волжская Булгария и имеющих значительные черты сходства: башкир, бесермян, венгров, манси, марийцев, мордвы, удмуртов, чувашей и части болгар, ассимилированных татарами.

Обряды и праздники чувашей в прошлом были тесно связаны с их религиозными языческими воззрениями и строго соответствовали хозяйственно-земледельческому календарю.

Сложность понимания сути проводимых народных обрядов и праздников заключается в том, что и годовой календарь, и понятия начала нового дня, понятия зима-лето не соответствуют сегодняшним представлениям. Цикл обряд-

ности начинался с зимнего праздника испрашивания хорошего приплода скота — сурхури (овечий дух), приуроченного ко времени зимнего солнцеворота. Во время празднества дети и молодежь группами обходили подворно деревню, заходя в дом, желали хозяевам хорошего приплода скота, пели песни с заклинаниями. Хозяева же одаривали их кушаньями.

Потом наступал праздник почитания солнца згварни (масленица). ζ варни — веселый праздник проводов зимы и встречи весны соответствует русской масленице. Само слово « ζ варни» является переводом (калькой) русской масляной недели (ζ у эрни). Празднование начиналось в четверг. У большинства чувашей ζ варни продолжался две недели. Первая неделя называлась асл ζ варни — «большая масленица», а вторая — к ζ н ζ варни — «малая масленица». Позднее, в связи с распространением христианства, чувашский ζ варни совпал с русской масленицей, и его начали отмечать в течение одной недели от воскресенья до воскресенья. Во время ζ варни в деревнях молодежь устраивала катания на лошадях, обвешанных колокольчиками и бубенчиками, украшенных платками и полотенцами. Детвора каталась с гор на салазках. Праздник открывали дети. Каждый стремился, как можно раньше выйти на горку, где традиционно проводились масленичные торжества. Того, кто первым прокладывал санный путь, в деревне называли «открывающим путь вешним водам», он пользовался всеобщим уважением. Ему, как самому проворному из всех ребят, доверяли начинать весенний сев.

Катание с гор носило иносказательное название « ζ рси ури ху ζ ни» («ломание воробьиных ног»). Каждый из ребят при первом спуске с горы сыпал конопляные семена и приговаривал: «Пусть в этом году лен и конопля будут долгими!»

Приговаривали до тех пор, пока салазки не остановятся. Бытовало такое верование: сколько высказано просьб, те и сбудутся. Ближе к обеду на гору выходили молодки и катались на пряхках, а к вечеру их заменяли пожилые женщины. Считалось, что скатывание с гор на донце пряхки приносит успех в женских делах — обработке волокна, прядении и ткачестве, изгоняет всякую хворобу.

В некоторых местностях в масленицу ходили ряженные «масленичные бабки» (ζ варни карч к) и «масленичные деды» (ζ варни ста-

рик). Они разъезжали по деревне на разукрашенных лошадях и всех встречных били соломенными жгутами или настоящими пастушескими кнутами. По народным представлениям, эти ряженные персонажи были призваны изгнать из населения злых духов и болезни, т.е. духов зимы.

В центре села на высоком месте устраивали из смоляных бочек, старых колес и снопов чучело «масленичной бабы» (ç варни карчк). Его устанавливали на больших старых санях. Чучело олицетворяло одряхлевшую хозяйку зимы. В день проводов масленицы чучело поджигали и вытаскивали сани за деревню на западную окраину. Чаще всего сани скатывали с горки на пруд.

День проводов масленицы отмечался особенно торжественно и весело. По деревням с пением и музыкой разъезжала молодежь на парах и тройках лошадей. Катания продолжались с утра до поздней ночи. Молодежь объезжала посылонь (по соху солнца) всю округу, приглашала родственников из других деревень на провода масленицы. Взрослые и старики устраивали традиционные обрядовые пиршества с блинами (икерчë) и колобками (й ва). Это обрядовое печенье й ва на масленицу непременно делалось с масляной лункой сверху. Все одаривали друг друга подарками, угощали маслеными блинами, орехами, семечками.

Ближе к полуночи все гостившие у родственников возвращались в родную деревню. Ровно в полночь торжественно зажигали красовавшееся целую неделю чучело «масленичной бабы» и скатывали с горки. Вокруг жарко горящего костра собиралась вся деревня. Подъезжали на санях запоздавшие и бросали в затухающий костер новые порции соломы. Еще долго продолжались масленичные песни и пляски вокруг пылающего костра. Жаркий костер извещал о последних днях колдуньи — зимы и своим теплом напоминал о наступившей весне.

На весну же приходился многодневный праздник жертвоприношений солнцу, богу и умершим предкам м нкун (совпавший затем с православной пасхой), который начинался с каламкун и завершался серен или вирам — обрядом изгнания зимы, злых духов и болезней. Молодежь ходила группами по деревне с рябиновыми прутьями и, хлестая ими людей, постройки, инвентарь, одежду, выгоняла злых духов и души умерших, выкрикивая «серен!» Односельчане в

каждом доме угощали участников обряда пивом, сыром и яйцами. В конце XIX в. эти обряды в большинстве чувашских деревень исчезли.

По завершении весеннего сева устраивали семейный обряд ака п тти (моление кашей). Когда на полосе оставалось пройти последнюю борозду и прикрыть последние засеянные семена, глава семьи молился Ç лти Тур о ниспослании хорошего урожая. Несколько ложек каши, вареные яйца зарывали в борозду и запаховали ее. По окончании весенних полевых работ проводился праздник Акатуй.

Акатуй — весенний праздник чувашей, посвященный земледелию. Этот праздник объединяет ряд обрядов и торжественных ритуалов. В старом чувашском быту Акатуй начинался перед выходом на весенние полевые работы и завершался после окончания сева яровых. Название «Акатуй» сейчас известно чувашам повсеместно. Однако сравнительно недавно верховые чуваша этот праздник называли сухатя (суха «пахота» + туйё «праздник, свадьба»), а низовые — сапан туйё или сапан (из татарского сабан — «пflug»).

После великого дня (м нкун) начинали готовиться к весенним полевым работам: ремонтировали сельскохозяйственные орудия, готовили семена. В последних числах апреля, перед выходом на пашню, начинали готовиться к торжествам по случаю полевых работ. Для проведения ритуальной части Акатуй заранее варится пиво, готовятся съестные припасы, красятся яйца. Празднование Акатуя в разных домах начинается в разные дни. Праздник продолжается неделю. Приготовившийся к празднику в определенный день созывает родственников и соседей. К их приходу в избе накрывается богатый стол. Во главу стола ставится алт р (братина) с пивом, в середину стола на специальном вышитом полотенце — блюдо с караваем хлеба и кругом сыра.

Как только соберутся все приглашенные, хозяин назначает одного знающего ритуал старца руководителем, и тот приступает к исполнению своих обязанностей. Каждому из присутствующих подносится кружка пива, раздается по кусочку съестного, изготовленного из зерна и из животных продуктов. Обычно это бывает ломтик калача с сыром или с маслом. Как только раздача заканчивается, руководитель запекает старинную песню «Алран кайми аки — сухи» («сев и пашня — вековечное дело наше»), и все

подхватывают этот гимн земледельческому труду. После завершения песни под руководством старца все совершают моление, обращаясь, по обыкновению, в сторону приоткрытых дверей. В старом чувашском быту все дома в деревне строились дверями на восток. Тюркские народы с незапамятных времен совершали свои молитвы, обращаясь в сторону восхода солнца. Эта традиция удерживалась чувашами вплоть до начала XX века.

В молитвах чуваша испрашивали у всевышнего Тур (главного бога) и подчиненных ему добрых духов обильного урожая, прибыли скота, богатства и здоровья членам семьи, всем родственникам, соседям и знакомым. После завершения молитвы все съедали свою долю, выпивали свои кружки и усаживались за стол. Тут начинался пир горой. Обильное угощение должно было способствовать такому же обильному урожаю хлебов.

Для завершения ритуальной части праздника акатуй каждая родственная группа выходила в озимое поле. С собой брали каравай пшеничного хлеба, круг сыра, яйца, пшеничные или ячменные колобки, пироги, ш рттан и, разумеется, пиво. Все припасы несли чинно, торжественно. Хлеб с сыром несли на резной тарелке, а тарелку держали перед собой на богато вышитом ритуальном полотенце (с лк), резное ведерко с пивом (ч рес) также покрывали вышитым полотенцем. Все участники ритуала в праздничном одеянии шли со специальной песней, предназначенной для этого случая.

В поле все устраивались в конце загона, обращаясь лицом на восток. Старший родич, обращаясь к духам земли, читал молитву и «угощал» их кусочками принесенных съестных припасов с пивом. Каждый из присутствующих в честь духов земли отливал несколько капель пива и разбрасывал по озимому клину крошки хлеба и сыра.

После завершения молитвы молодежь начала гадания на яйцах и палках. Ребята бросали в поле яйца и смотрели, у кого яйцо разбилось, а у кого нет. Верили, что целое яйцо предвещает богатый урожай яровых хлебов. Таким же образом гадали на палках. Дурным признаком считалось, когда палка ложится по линии с запада на восток, т.е. в положении, в каком хоронят покойников.

После гаданий в поле начинались песни, пляски, веселье. Возвращались с поля только к

вечеру. Проведение этих обрядов было обязательным для каждого. Нарушителям от сельского общества не будет житья. Все верили в силу обряда, думали, что таким образом можно повлиять на будущий урожай. Игнорирование традиций, по представлениям чувашей, навлекало беду на все сельское общество, могло вызвать засуху, холода или градобитие.

Вся деревня, проведя ритуальную часть праздника акатуй, выходила на весеннюю пахоту. Каждый мало-мальски значимый этап весенних полевых работ был обставлен целым рядом магических обрядов, молитвословий, запретов. Особо отмечался почин первой борозды, вывоз в поле семян, начало сева и его завершение.

По окончании всего цикла весенних земледельческих работ проводилась тожественная часть праздника Акатуй. В этнографической литературе термин «Акатуй» часто объясняется как «свадьба плуга», но это не совсем верно. Гораздо правильнее будет перевести «Акатуй» как «праздник земледелия». Весь ход праздника показывает, что он посвящен завершению весенних полевых работ.

К самому торжественному заключительному циклу Акатуя начинали готовиться заранее. По улицам верхом на лошадях гарцевали юноши. Они собирали призы для награждения победителей на соревнованиях. Молодежь разъезжала по деревне с длинным шестом, к которому молодухи привязывали свой лучшие вышитые полотенца и тканые пояса. Другие несли плетеные сумки — пестери для сбора яиц. В некоторых местах парни вышитые полотенца затыкали рядами за пояс, так что образовывалось нечто вроде фартука или юбки. Почти каждый дом жертвовал на Акатуй какую-нибудь вещь: куски ткани, платки, рубашки, полотенца, яйца и т.п. Богатые люди жертвовали иногда деньги, на которые покупали барана.

Молодые люди для участия в скачках подготавливали лошадей, щедро кормили их овсом, иные даже давали сырые яйца. Накануне праздника молодежь выезжала на конях и устраивала пробные соревнования «для разогрева ног коней».

Для проведения соревнований составлялось своеобразное жюри из почтенных и влиятельных стариков, которые признавалось не только жителям данной деревни, но и всей округой.

В день акатуя деревня принимала праздничный вид, на улицах царило веселое оживление.

Соревнования проходили на лугу за деревней. Обычно выбирали место рядом с рекой и лесом. Еще до полудня население деревни начинало стекаться на традиционное место проведения конных скачек. Впереди шли выборные старики. Вместе с ними верхом на коне ехал один из парней, который нес длинный шест с привязанным к верхнему концу полотенцем — своеобразной эмблемой праздника. Многие отправлялись на акатуй на подводах, тарантасах. Лошадей и сбрую празднично украшали, в гривы вплетали разноцветные ленты и кисти из шерстяной пряжи, дугу обертывали цветной тканью или полотенцем.

На опушке леса на почетном месте усаживались старики — члены комиссии. Около них вкапывали в землю длинный шест с полотенцем на верхнем конце — атакуй ялаве́ (флаг акатуя).

Когда народа собиралось достаточно, начинались состязания: бег, скачки, прыжки, стрельба из лука по цели. Как правило, состязания начинали мальчики. Сначала соревновались в беге на полверсты. Победители получали до десятка яиц. Детей сменяли взрослые, они бегали на дистанцию от одной до двух верст.

Самым популярным видом соревнования на акатуе является борьба на поясах. В качестве пояса используется полотенец. Каждый борец держит полотенец в руках, охватывая им талию противника. Борьбу также начинали мальчики, постепенно очередь доходила до взрослых. Оставшийся непобежденным борец получал титул богатыря (патт р). Его обычно награждали баном.

Одним из центральных моментов на состязаниях праздника Акатуй были скачки на три, пять, иногда и восемь верст. Победителям скачек дарили вышитые полотенца, призы обычно привязывали к шеям лошадей.

Праздник акатуй украшали разнообразные шуточные соревнования типа «бега в мешке», «бег на трех ногах», «разбивания горшка», «молодушки с коромыслом». Силу и ловкость показывали в таких играх, как бой с мешками на бревне, поднятие гирь, различного рода перетягивания.

После состязаний молодежь разбивалась на несколько возрастных групп, и каждая из них затевала свои игры. Парни и девушки устраивали пляски, пели песни. Веселье продолжалось до позднего вечера.

Старики и семейные пары возвращались в деревню сразу же после окончания состязаний. Они приглашали к себе домой приезжих из соседних деревень родственников и знакомых и пировали допоздна. Соседние деревни обычно старались проводить Акатуй в разное время. Поэтому молодежь, да и взрослые успевали погулять на нескольких праздниках к ряду: в своей и соседних деревнях. В состояниях по борьбе участвовали богатыри нескольких деревень, и таким образом выявляли чемпиона всей округи. Такой патт р пользовался всеобщим уважением.

Это говорит о том, что у далеких предков чувашей спортивные состязания во время праздников весенне-летнего цикла имели чрезвычайно большое значение. Они служили самым демократическим и эффективным способом выбора предводителей родов и племен. Даже после почти полной утраты кочевнических традиций эти состязания, как важное средство сохранения благополучия рода, выжили, удержались и органически вошли в состав земледельческих праздников.

Ғим к — летний праздник, посвященный поминовению усопших родственников с посещением кладбищ. Соответствует христианской троице, именуемой русскими также семик, так как на Руси этот праздник отмечался в четверг седьмой недели после пасхи. Чувашское ғим к восходит к этому русскому слову.

Празднование ғим к среди чувашей распространилось сравнительно недавно, видимо, не ранее середины XVIII века. Тем не менее многие обряды и ритуалы этого праздника восходят к седой старине. Объясняется это тем, что на зимек перенесены многие обрядово-ритуальные действия, первоначально причастные к калгм и отчасти к юпа. В обрядово-ритуальной стороне праздника ғим к можно выделить три основных линии: восходящие к восточно-славянскому язычеству, русскому христианству (в его народном проявлении) и чувашскому язычеству.

Несмотря на христианское происхождение, ғим к широко распространился в быту не только крещеных чувашей, но и язычников. В некоторых местах некрещеные чуваша называют этот день виле тухн кун, т.е. «день выхода усопших (из могил)». Возможно, это и есть старое чувашское название праздника, соответствующее русскому семикю.

Чувашский *шим к* начинался спустя семь недель после Пасхи, с четверга перед Троицей, завершался в четверг троициной недели. Первый день этой недели назывался *асл шим к* (большой семик), а последний — *к ш н шим к* (малый семик).

Накануне *асл шим к* женщины и дети ходили в лес, урочища и овраги, собирали там лечебные травы и корни. Обычно приговаривали: «На семик надо семьдесят и семь видов разных трав с опушки семи лесов, с вершин семи оврагов». Из леса возвращались с вениками и ветвями различных деревьев. Эти ветки втыкали в окна, ворота и двери строений. Чаще всего втыкали рябиновые ветки, считая, что они предохраняют от злых духов.

Накануне *шим к* все топят баню, где полагалось приготовить отвар «из семидесяти семи трав» и веник «из семидесяти семи веток». В баню приглашали умерших предков, для чего специально посылали одного парня на кладбище. В бане парились вениками из разных пород деревьев, мылись отваром разных видов трав. Это считалось целебным средством. Собранные в праздник *шим к* лечебные травы хранили в течение всего года.

Накануне Троицы всем миром совершали поминовение усопших. Для этого заранее варили пиво, в день поминовения с утра пекли блины, пироги и другое съестное. Первые три блина выносили во двор и бросали в костер из старых лаптей, зажженных у столба *м н к л*. Также, как на калам, резали живность — обычно птицу. Когда все было готово, собирали на стол. Хозяин дома или самый старший член семьи зажигал ритуальные свечи у центрального столба, около стены у дверей и вокруг блюд, предназначенных для жертвенной пищи и напитков. Затем совершал молитву, и домочадцы усаживались за стол. При трапезе каждый член семьи, прежде чем отведать то или иное кушанье, должен был отложить небольшую часть в специальную посуду. При этом каждого усопшего сородича поминали по имени. По традиции полагалось помянуть умершего в течение стольких лет, сколько он прожил на земле. Надо отметить, в старое время каждый чуваш помнил своих предков до седьмого колена, а многие — до девятого и далее.

В старину чуваша-язычники поминовение на кладбище совершали в *к ш н шим к* и тогда же «проводжали» покойников на кладбище. После

«проводов» усопших сородичей можно было веселиться, и молодежь начинала водить хороводы. Наступало самое веселое, праздничное время в году — *уяв*.

Уяв — весенне-летний период молодежных игрищ и хороводов. Слово «*уяв*» буквально означает «соблюдение» (от *уя* «блюсти»). Первоначально это слово означало просто соблюдение традиционной обрядовой жизни, а позднее так стали называть любой праздник, любое обрядовое торжество.

В разных местах слово «*уяв*» имеет различное значение, да и сами молодежные увеселения проводятся по — разному. Верховые чуваша проводили *уяв* в промежутке между *м н кун* и *шим к*. Молодежные игрища и хороводы здесь начинались через неделю после *м н кун*. Во время *уяв* молодежь вечерами собиралась за околицей и устраивала хороводы с танцами, плясками, играми. В это время обычно молодые парни ближе знакомились со своими избранницами. К концу XIX века сезонные молодежные хороводы у верховых чувашей стали исчезать.

Средненизовые чуваша в *уяв* проводили большие общеродовые игрища. В определенный день в материнскую деревню собиралась молодежь со всех дочерних деревень. Рядом с каждой материнской деревней на лугу, около рощи или на лесной поляне. Было постоянное место для проведения сборищ молодежи, которые назывались или просто в *й* — «игрища», или же *пух*, *тап* — «сбор, собрание». Ко дню *тап* или в *й* в таком месте устраивалась скамья для музыкантов. В безлесных местах около скамейки вкапывали несколько свежесрубленных деревьев и украшали их разноцветными лентами.

Ближе к полудню к этому месту собиралась молодежь. Приезжали также торговцы сладостями, мелким товаром, игрушками. Весь день до позднего вечера на площадке играла музыка. Музыканты, собравшиеся со всей округи, играли по очереди. Одновременно выступали несколько скрипачей, пузыристые, гусяров, гармонистов, барабанщиков — ударников. Вокруг этого большого оркестра всегда толпились ребята, которые подыгрывали на деревянных свирелях, металлических и глиняных свистульках, металлических треугольниках. Девушки устраивались полукругом по обе стороны оркестра. Восточный сектор круга оставался открытым. В центре круга постоянно отплясывали парни, приглашая девушек по очереди на танец...

Другая часть молодежи немного в сторонке водила хороводы. Иногда представители каждой деревни устраивали свои круги, и деревня с деревней соревновались в мастерстве пения и удалстве танцев. Проводились также спортивные соревнования и веселые шуточные состязания. Такие большие общеродовые сборы молодежи проводились только раз в году и непременно в материнской деревне. Позднее эти игрища стали приурочивать к престольным праздникам своей приходской церкви, а в ряде мест они слились с Акатуем.

Низовые чуваша уяв начинали в день семика и праздновали до Петрова дня. Взрослое население в это время соблюдало *çинçe* (обряд бережения земли) и воздерживалось от каких бы то ни было работ. Молодежь сразу же после «проводов усопших» начинала водить хороводы. В троицын день парни и девушки собирались по улицам в группы и шли на центральную площадь села. Каждая улица шла со своими песнями. Собравшись на центральной улице, молодежь по давно установленному маршруту с песнями уходила в лес к востоку от деревни. В лесу девушки пели приуроченные к такому случаю песни, собирали цветы, плели венки. Парни в это время выбирали подходящее дерево. Когда дерево было выбрано, вокруг него девушки и парни водили хоровод. Девушки украшали это дерево цветами, венками и лентами. Затем дерево срубали, приносили в деревню и устанавливали на традиционное место проведения игрищ и хороводов.

По пути в деревню девушки гадали на венках. Около речки бросали венки в воду и смотрели, в какую сторону они поплывут. Венки, якобы, указывали на ту сторону, куда девушке предстояло идти замуж. Если венки тонут, то это предвещало разлуку или даже смерть. Хороводы обычно проводили на околице деревни. Для этого выбирали высокое место. На вершине холма устанавливали дерево и вокруг него водили хороводы.

В период уява хороводы водили каждый день с утра до вечера. Вечерами под деревом жгли костры, и вокруг них кружились. Особенно торжественно проводили хороводы по пятницам и воскресеньям. Парни и девушки, взявшись за руки, ходили вокруг костра в такт музыке. После каждого куплета песни направление движения менялось. В фольклорных записях имеется несколько сотен хороводных и не меньшее чис-

ло игровых песен. Каждой песне соответствовали свой рисунок движения, свои правила игры. Часто на эти хороводы приходила молодежь из соседних деревень — со своими песнями и играми. Таким образом, репертуар песен и игр постоянно пополнялся. Парни и девушки во время уява встречались друг с другом, здесь они находили суженых. Приходили на хороводы и взрослые, и пожилые, и дети. Старики рассказывали о хороводах их молодости, напоминали старые песни и игры, а молодежь быстро их подхватывала, и почти уже забытая песня вновь начинала жить.

Чувашские хороводы представляют собой прекрасное, завораживающее зрелище. Многие русские и иностранные путешественники оставили восторженные описания чувашских молодежных праздников. Вот что писал Н.Г.Гарин - Михайловский в очерках под названием «В суетоке провинциальной жизни»:

«Подойдя, девушки взялись за руки, составили большой круг и начали петь: это было такое оригинальное и пение и зрелище, какое я никогда не видел. То есть видел на сцене, в балете, в опере. Но это не был ни балет, ни опера, а жизнь.

Большой круг плавно и медленно двигался; девушки шли в пол оборота, одна за спиной у другой. Один шаг они делали большой, останавливались и тихо передвигали другую ногу.

На сцене это показалось бы, может быть, выдумкой — здесь же был естествен и непередаваемо красив этот хоровод молодых весталок...

Иногда громко поднималась песня среди аромата полей и улетала в небо, сливаясь там с песней жаворонка, нежная тихая песнь о промчавшемся...

Что оперы, что романсы?! Разве передадут они этот аромат вечно молодой весны и нежной тоски о пронсящих веках? Разве передадут они эту песнь народа? Разве можно выдумать такую песню?..

Когда образовался круг, двое, разорвав его, ответили каждая в свою сторону концы круга, и все сразу опустились на землю.

Они не то встали на колени, не то сели совсем.

И вся эта гирлянда белых и красных цветов, все эти молодые глаза так ласково, непринужденно и приветливо смотрели на меня, чужестранца.

Так две тысячи лет тому назад, может быть, слушал какой-нибудь путник, в честь которого пели девушки. Так мог стоять и мой предок. И заколдованной песней, я видел теперь то, что скрыто от смертных...

Я пришел в себя и в ответ на их поклон снял свою шляпу и, всей душой, проникнутый уважением и признательностью, поклонился им.

Я уехал, но долго еще перед моими глазами стоял народный луг с толпой языческих девушек, я все слышал их песнь, и напев ее в моей душе так нежно звучал, что, право, я не припомню, захватывало ли когда — либо что — нибудь так сильно, как эта промелькнувшая картинка из давно забытой эпохи человеческой жизни».

С наступлением Петрова дня (питрав) молодежные праздники завершались. Начиналась горячая пора: сенокос, паровая пашня, уборка урожая. Тут уж было не до хороводов, хотя при каждом удобном случае молодежь собиралась вечерами и проводила время в увеселениях и играх.

В Петров день вся деревня собиралась на последний прощальный хоровод. Поздно ночью провожали уяв, все выходили на западную окраину деревни и вокруг прощального костра водили последний в этом году хоровод. В полночь молодежь с песнями и музыкой уносила из деревни праздничное дерево на кладбище. С кладбища уже возвращались без песен. Были специальные песни, посвященные началу и завершению уява.

Наступала страдная пора.

Наступало время обрядов, связанных с легким трудом и заботами земледельца.

Ѕинсе — традиционный дохристианский обрядовый цикл, приуроченный ко времени летнего солнцестояния. Этот земледельческий праздник соответствует русскому празднику, известному под названием «Земля матери именинница», или «Духов день».

В старину у чувашей за календарем следили пожилые, умудренные жизненным опытом люди. До появления отрывных календарей чувашаи пользовались солнечными самодельными деревянными календарями, которые довольно точно показывали месяцы, недели, дни, долготу дня и даже часы и минуты. Когда долгота дня доходила до 17 часов, почтенные старцы объявляли всей деревне, что с такого — то дня начинается 5инсе. Он праздновался в течение 12 дней и совпадал со временем цветения ржи. 5инсе особыми обрядовыми торжествами не сопровождался. Это даже не праздник, а период отдыха и соблюдения покоя Матери-земли, которая в это время считалась обремененной спешущим урожаем.

В период 5инсе строго запрещалось чем-либо беспокоить землю: нельзя было пахать, сеять, рыть землю, вывозить навоз, бросать на землю тяжелое, рубить лес, строить дома, лазить на де-

ревья и строения. Для чувашских крестьян время 5инсе было периодом полной бездеятельности. Считалось недопустимым мыться в бане, стирать белье, топить печи в дневное время, ступать на землю босыми ногами или загрязнять землю каким-либо другим путем. Запрещалось также косить траву, рвать цветы, выпалывать сорняки. Чувашаи издревле носили холщовую, богато вышитую одежду. Только в конце 18 века, в связи с появлением химических красителей, в чувашский быт начала проникать разноцветная ткань — пестрядь. Старики тщательно оберегали традиции и во время праздников и семейных торжеств, не говоря уже о 5инсе, запрещали носить одежду из крашенины и пестряди.

Нарушение кем-либо покоя «беременной» земли, по поверьям чувашей, влекло бедствия для всего сельского общества, и поэтому за исполнением запретов следили строго: отбирали подозрительные предметы, могущие послужить орудиями, нарушающими запрет. Если кто-то посмел в дневное время зажечь огонь в очаге, то, заметив это, огонь немедленно заливали водой, на нарушителя налагали штраф, который шел в фонд общественного жертвоприношения ч к. Осмелившегося появиться на улице в одежде из пестряди или крашенины хватали, волокли к роднику и там обливали водой, выливая на него до 41 ведра, а могли и избить.

Нарушение запретов и ограничений якобы вызывало засуху или градобитие. Поэтому суровые чувашаи в случае нарушения кем- нибудь из односельчан традиции непременно старались провести щедрые общественные жертвоприношения и тем самым искупить свои прегрешения перед Матерью-землей.

В период соблюдения покоя земли в дневное время запрещалось свистеть или играть на музыкальных инструментах, так как считалось, что это может вызвать сильные ветры, бури и привести к осыпанию урожая. Но в вечернее время эти запреты снимались, молодежь до утра водила хороводы.

А длинными летними днями на завалинках собирались соседи и занимались разным рукоделием. Девушки вышивали, но непременно на белом холсте. Старики вспоминали добрые старые времена, рассказывали детворе сказки, загадывали загадки.

Так размеренно проходили дни 5инсе. Перед началом страды народ отдыхал, набирался сил к сенокосу и паровой пашне.

У чувашей были распространены три формы заключения брака:

- 1) с полным свадебным обрядом и сватовством (туйла, туйпа, кайни),
- 2) свадьба «уходом» (хёр, тухса, кайни),
- 3) похищение невесты, часто с ее согласия (х р в рлани).

Жениха в дом невесты сопровождал большой свадебный поезд. Тем временем невеста прощалась с родней. Ее одевали в девичью одежду, накрывали покрывалом. Невеста начинала плач с причитаниями (хёр йёрри). Поезд жениха встречали у ворот с хлебом — солью и пивом. После продолжительного и весьма образного поэтического монолога старшего из дружек (м н к р) гостей приглашали пройти во двор за накрытые столы. Начиналось угощение, звучали приветствия, пляски и песни гостей. На другой день поезд жениха отъезжал. Невесту усаживали верхом на лошадь, или она ехала стоя в кибитке. Жених три раза ударял ее нагайкой, чтобы «отогнать» от невесты духов рода жены. Веселье в доме жениха продолжалось с участием родственников невесты. Первую брачную ночь молодые проводили в клети или в другом нежилом помещении. По обычаю, молодая разувала мужа. Утром молодую одевали в женский наряд с женским головным убором «хуш-

пу». Первым делом она ходила на поклон и приносила жертву роднику, потом начинала работать по дому, готовить пищу.

Нам часто кажется, что этнографический мир традиций безвозвратно ушел в прошлое: мы носим не домотканые, а синтетические ткани, одеваемся не по традиции, а по моде, едим импортные, за тридевять морей привезенные продукты и, конечно, менее всего склонны выполнять дедовские обряды и ритуалы. Но нормы поведения, этику, этикет, мораль межличностных отношений нельзя ни синтезировать, ни импортировать, и потеря традиционной культуры в этой области оборачивается бездуховностью, огрублением, духовным одичанием.

Пережив кризис болезненной перестройки, общество оборачивается к своим истокам. Начинается поиск утраченных ценностей, попытки вспомнить былое, позабытое, растерянное. И оказывается, что обряд, обычай, ритуал, который десятилетиями именовали не иначе, как вредным пережитком, нелепым суеверием, на самом деле был символом, образом, направленным на сохранение вечных общечеловеческих ценностей: мира в семье, любви к природе, заботы о доме и хозяйстве, мужской порядочности, девичьей чести, людской честности, добра, чистоплотности и скромности.

